

Праведзенае даследаванне дазволіла ўкладальнікам трэцяга тома Збору твораў Кузьмы Чорнага ў 12 тамах (апаবাদанні 1932–1944) прыняць за асноўны тэкст “Заўтрашняга дня” варыянт аўтографа, які можна лічыць выяўленнем апошняй творчай волі аўтара з захаваннем жанру, пазначаным аўтарам пад назвай і ўключыць яго ў том.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1 Мушынскі, М. Тэксталогія твораў Янкі Купалы і Якуба Коласа / М. Мушынскі ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Янкі Купалы ; [наук. рэд. В. П. Рагойша]. – Мінск : Беларус. навука, 2007 – 413 с.

2 Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; [рэдкал.: У. В. Гніламедаў [і інш.]]. – Мінск : Беларус. навука, 1999–2014. – Т. 2 : 1921–1941 . – 1999. – 902 с.

3 Чорны, К. Выбраныя творы / К. Чорны ; уклад. і прадм. М. Тычыны ; камент. М. Тычыны і Я. Янушкевіча. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 603 с.

4 Тычына, М. А. Кузьма Чорны : Эвалюцыя мастацкага мыслення / М. А. Тычына ; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. В. У. Івашын. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 190, [2] с.

5 Польша. – 1945. – № 5–6. – 112 с.

6 Брыль, Я. Чытаючы апаবাদанні Чорнага / Я. Брыль // Збор твораў : у 5 т. / Я. Брыль. – Мінск, 1981. – Т. 4 : Свет далёкі і блізкі : дарожныя нататкі ; Пра заповітнае : артыкулы, эсэ, партрэты. – С. 409–418.

7 Чорны, К. Збор твораў : у 8 т. / К. Чорны ; Акад. навук БССР, Ін-т літ. імя Янкі Купалы ; рэдкал.: В. В. Барысенка [і інш.]. – Мінск : Маст. літ., 1972–1975. – Т. 2 : Апаবাদанні, 1928–1944 / [рэд. Тома В. В. Барысенка ; падрыхт. тэкстаў і камент. К. В. Піліповіч]. – 1972. – 478 с.]

УДК 811.161.1'42

ШЭНЬ ЦЗЯЧЭН

(г. Гомель, УО «Гомельскі гасударственный университет имени Франциска Скорины»)

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЕ ОБРАЗЫ ГРОМА И МОЛНИИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ЗАКЛИНАНИЯХ

В статье рассматриваются мифологические персонифицированные образы грома и молнии, которые встречаются в русских и китайских заклинательных текстах. Определяются функции этих персонажей, их роль в противостоянии злым силам. Обращается внимание на сходство и отличие рассматриваемых образов в каждой из сравниваемых лингвокультур.

Определяющей особенностью заклинательных текстов является вера их отправителей в возможность воздействия на какой-либо объект с помощью слова. С точки зрения говорящего, эффективность подобного воздействия зависит от значимости сакральных предметов или сверхъестественных способностей персонажей, выступающих в роли магических помощников. В этом отношении наиболее высокий статус в сознании людей имели небесные стихии – гром и молния, наделявшиеся способностью уничтожать нечистую силу. В верованиях славян-язычников воплощением грозных небесных сил был Перун – верховный бог-громовержец. После введения христианства культ Перуна был перенесен на св. Илью (Илью-пророка) [1, с. 208], который так же, по аналогии с языческим Перуном, осмыслялся как источник и распорядитель грома: «Илья-пророк ездит по небу на огненной (каменной) колеснице, запряженной огненными конями, отчего и происходит гром» [2, с. 405].

В традиционной культуре русского народа слово *гром* отождествлялось (и продолжает отождествляться) со словом *молния*, поэтому в заговорных и заклинательных текстах регулярно встречается алогичные с точки зрения элементарных научных знаний словосочетание *убить громом* и номинация *громоотвод* 'устройство, служащее для защиты от удара молнии'. Тем не менее, устрашающие, но абсолютно безопасные громовые раскаты производили на людей значительно большее впечатление, чем смертельно опасное «небесное электричество». Так, в заклинании «От ужаления змеи» не только содержится требование к «главной» змее об удалении змеиного яда, принадлежащего ее подчиненным, но и угроза уничтожения ее самой с помощью грома, исходящего от Ильи-пророка: *На море на окояне, на острове Буяне стоит там дуб, на том дубу висит кровать, на той кровати лежит змея Катерина. Унимай, змея, своих друг и подруг – лесовых, полевых и луговых, и подберезниц, и подорешниц. А если ты их не уймешь, из них ярость не вынешь, то тебя Илья-пророк громом убьет* [3, с. 690–691]. По той же логической модели построено «Заклинание над новорожденным, от похищения его злым духом», в котором содержится угроза уничтожения демонических сил громом и молнией: *Заклинаем вас, враги лютые, не смейте вы подступать к рабе (имя) и ею порожденному дитю, хотя некрещенному, но крещеной порожденному. Если же вы, демоны, подступите к рабе (имя) и ею по рожденному дитю, то Иван Креститель попросит Господа Бога Спасителя, всему миру Вседержителя, чтобы Он наслал на вас, окаянных, Илью-пророка, с громом, молнией, со стрелами огненными. Илья-пророк вас громом убьет, молнией сожжет, сквозь землю, сквозь пепел пробьет, на веки-вечные вас в преисподней запрёт, с земли вас сживёт* [4, с. 225].

Еще в большей степени гром и молния персонифицируются в русском «Заговоре от нечистого духа», где представлены образы *царя-грома* и *царицы-молнии* как порождения Бога-Отца и Бога-Сына, направленные на уничтожение нечистой силы: *И спустил истинный Господь, Саваоф Бог, Спас Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, Свое Божие великое милосердие, от престола Господня царя-грома, царицу-молнию; царь-гром грянул, царица-молния пламя спустила, молния осветила – рассказали, разбежались всякие нечистые духи* [5, с. 328–329].

Следующий русский заговорный текст построен на своеобразном параллелизме, оформленном с помощью соотносительного союза *как..., так:* субъект заговора «преобразует» магические «чертогонные» характеристики царя-грома и царицы-молнии в защиту самого себя от врагов и дьяволов. Сравн.: *Поднимается царьгрозная туча и под грозною тучею мечется царь-гром и царица-молния. Как от царя-грома и от царицы-молнии бегут враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь в свои поместья – под пень и под колоду, во озера и во омуты, так бы бежали и от меня, раба Божия (имя), всякие враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые – под пень и под колоду, во озера и во омуты безотпятно, безотворотно, век по веку, отныне и до века, аминь* [5, с. 327–328].

В традиционной культуре Китая представления о громе и молнии отличаются значительно большей мифологической глубиной, разнообразием и ярко выраженной персонификацией. Прежде всего отметим, что в китайских заклинательных текстах (как и в русских заклинаниях) встречаются мужская и женская ипостаси грозной небесной стихии – образы бога грома и богини молнии. При этом предполагается, что демонические силы уничтожаются именно благодаря соединению и взаимодействию на них женского и мужского начал – «инь» и «ян»: *Бог грома и богиня молнии со своими двенадцатью сотнями форм и теней прорываются сквозь лагерь зла. Они направляются прямо к алтарям и храмам, сокрушая лагерь демонов и злых духов чумы.* <...> *Огонь Инь и Ян вспыхивают одновременно, сжигая лагерь демонов и злых духов.* <...> *Представьте себе пять богов грома пяти направлений, восседающих на облаках, чтобы присоединиться ко мне. Спешите, спешите, как повелевает закон!* [6, с. 26].

Словосочетание *пять богов грома* употребляется также в «Заклинании для призыва бога грома»: *Я смиренно умоляю пять богов грома: услышьте мой призыв, спуститесь*

быстро! Призовите облака и туман, пусть гремят гром и молнии! Излейте огонь на десять тысяч ли, чтобы ни один злой дух не смог ускользнуть!.. [6, с. 85–86]. Очевидно, что представление о мифических персонажах – пяти богах грома – является одним из воплощений китайской философской концепции у син 五行 (букв. *пять элементов*), в соответствии с которой «все основные параметры мироздания – пространственно-временные и двигательно-эволюционные – имеют пятичленную структуру» [7, с. 451]. Так, согласно этой концепции, существует пять первоэлементов («дерево», «огонь», «почва», «металл», и «вода»), пять сторон света (север, юг, запад, восток и центр), пять чувств (гнев, радость, задумчивость, горе, тоска, страх), пять органов чувств (глаз, язык, рот, нос, ухо) и др.

В начале следующего заклинательного текста, направленного на исцеление больного, каждый из пяти богов грома получает конкретное название (*небесный, земной, иньский, янский и центральный*); в дальнейшем заклинатель обращается к ним с конкретными просьбами: *Небесный огненный бог грома, земной огненный бог грома, иньский огненный бог грома, янский огненный бог грома, центральный огненный бог грома – пять направлений извергают гром. Обыщите кишечник, промойте желудок, изгоните всё плохое. Схватите и поймите злых духов! Далекие злые духи, быстро уходите! Больной обретет исцеление. Повеление Небесного императора! Исполняйте без промедления, без жалости! Срочно, как предписано законом!* [6, с. 112]. Произнося «Заклинание для вызова грома и изгнания зла», адресант называет все пять громов, присваивая каждому из них определенные числовые значения: *Гром один, гром два, гром три, гром четыре, гром пять! Срочно призываю вас по имени, чтобы весь мир вас знал. Быстро приходите, быстро приходите! Срочно, как велит закон!* [8, с. 96].

Показательно, что пять богов грома, которые «обладают огромной силой, способны действовать от имени императора, влиять на всё и контролировать человеческие бедствия, судьбы и несчастья» [6, с. 72], в различных школах даосизма называются по-разному: *Небесный Гром, Драконий Гром, Божественный Гром, Водяной Гром и Земной Гром* (школа Шэнсяо) [6, с. 72]; *Гром Дерева, Гром Огня, Гром Земли, Гром Металла и Гром Воды* («Книга грома Тайи»); *Небесный Гром, Гром Божественного Небесного Неба, Гром Водного Дворца, Гром Дракона и Гром Бога Земли* («Книга грома Юйшу»); *Гром Ветра, Гром Огня, Гром Гор, Гром Воды и Гром Бога Земли* («Книга грома Божественного Небесного Неба»); – как как Гром Дракона, Гром Земли, Божественный Гром, Гром Бога Земли и Гром Демона («Книга грома Бэйцзи») [6, с. 155].

Вместе с тем, китайской мифологии известен верховный бога грома (Дух грома, Громовник) *Лэй-гун* 雷公, у которого «тело дракона, человечья голова, он бьет по своему животу, как по барабану»; «Лэй-гун имеет облик человека, разъезжающего в облаках на колеснице и бьющего молотком по двум барабанам». В традиционной китайской культуре «Лэй-гун почитался как божество, помогающее людям, поскольку он связан с божествами дождя, от которых зависит урожай» [9, с. 512–513].

В статье, посвященной китайским народным картинам *няньхуа*, академик В. М. Алексеев приводит описание картины, на которой бог грома Лэй-гун изображен в виде птицы с некоторыми чертами тигра (рисунок 1). Ученый обращал внимание на ряд деталей, усиливающих апотропейную (защитную) значимость этого изображения. Очевидное магическое воздействие имела расположенная в верхней части картины надпись 七星北斗 – *Семизвездный Северный Ковш* (Большая Медведица), что, по верованиям древних китайцев, само по себе являлось заклинанием, отвращавшим злых духов. Чуть ниже помещено узнаваемое схематическое изображение этого созвездия. Над головой бога грома нарисована печать, на которой древними китайскими иероглифами представлена фраза, указывающая на главную функцию Громовника: *Охраняю дом, изгоняю нечисть*. В своих лапах птица-тигр держит изображение восьми триграмм ба гуа 八卦, которое обладало исключительно высоким сакральным статусом, поскольку обозначало восемь символических знаков, представляющих, с точки зрения философии даосизма, фундаментальные принципы бытия.

Рисунок 1 – Бог грома Лэй-гун [10, с. 53]

Под ногами Громовника находится стилизованное изображение грозового пламени. В. М. Алексеев не без оснований характеризует данную картину как талисман, выполняющий роль магического защитного средства, о чем свидетельствует заклинание, помещенное на его оборотной стороне: *Светлый духи, светлые духи! Хватайте чертей, изводите наваждения! Где бы не очутился этот талисман, уничтожайте чертей без остатка. Быстрой, быстрой, как демон Люйлин!*» [10, с. 17–18].

Отчетливо персонифицирована в традиционной культуре Китая и богиня молний Дянь-му 電母 (букв. *Мать молний*), которая изображалась стоящей на облаке и держащей в руках зеркала (рисунок 2). Она «то сближает, то разводит зеркала, от чего получается молния. <...> Считалось, что Дянь-му освещает молнией сердца грешников, которых должен наказать бог грома Лэй-гун» [11, с. 453].

Рисунок 2 – Богиня молнии Дянь-му

Приведенный материал свидетельствует, с одной стороны, о наличии некоторых общих представлений, касающихся мифологических повелителей грома и молнии в русской и китайской традиционных культурах, а с другой – о закономерных отличиях в представлении этих образов, заключающихся, в первую очередь, в значительной степени их персонификации в воззрениях древних китайцев.

Список использованной литературы

1 Топоров, В. Н. Боги / В. Н. Топоров // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – М.: Междунар. отн., 1995. – С. 204–215.

2 Белова, О. В. Илья св. / О. В. Белова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М.: Междунар. отн., 1999. – С. 405–407.

3 Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М. : «Индрик», 2010. – 832 с.

4 Попов, Г. В. Русская народно-бытовая медицина : По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. В. Попов. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. – 404 с.

5 Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М.: Автор, 1992. – 607 с.

6 道教符咒大观 / 张振国 吴忠正 编著。 – 北京: 宗教文化出版社, 2014年。 425 页。 = Большое собрание даосских заклинаний. Составители Чжан Чжэньго, У Чжучжэн. – Пекин: Издательство религиозной культуры, 2014. – 425 с.

7 Кобзев, А. И. У син / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая. Философия / Ред. тома М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 451–452.

8 葛兆光。 道教与中国文化。 上海: 上海人民出版社、1987 年。 419 页。 = Гэ Чжаогуан. Даосизм и китайская культура. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1987. – 419 с.

9 Рифтин, Б. Л. Лэй-гун / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. – М. : «Восточная литература», 2007. – С. 512–513.

10 Алексеев, В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народными картинами и амулетами / В. М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – Том двадцатый. 1910. – С.-Пб. : Типография Императорской академии наук, 1912. – С. 1–76.

11 Рифтин, Б. Л. Дянь-му / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. – М.: «Восточная литература», 2007. – С. 453.

The article examines the mythical personified images of gom and lightning, which are found in Russian and Chinese incantation texts. The functions of these characters and their role in resisting evil forces are determined. Attention is drawn to the similarities and differences between the images in each of the compared linguistic cultures.